СКАЗАНІЕ
о МОРСКОМЪ СРАЖЕНІИ,
происходившемъ между
РОССІЯНАМИ и ТУРКАМИ
при брегѣ Наполіи
Іюня 24. 25. и 26. 1770 года.
выбранное изъ достовѣрнѣйшихъ записокъ.

Къ сему прилагаются
ПИСЬМА
писанныя въ слѣдствіе четырехъ картинъ сего сраженія,
поднесенныхъ
ЕЯ
ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ
Государынѣ Всероссійской.

Переведено съ Англинскаго въ морскомъ шляхетномъ Кадетскомъ Корпусѣ.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ.
Въ Типографіи морскаго шляхетнаго кадетскаго Корпуса.

СКАЗАНІЕ
о МОРСКОМЪ СРАЖЕНІИ,
происходившемъ между
РОССІЯНАМИ и ТУРКАМИ
при брегѣ Наполіи,
Іюня 24. 25. и 26. 1770 года.
выбранное изъ достовѣрнѣйшихъ записокъ.

Понеже всѣ великія и главныя сраженія необходимо предвключаютъ великую разность движеній, и безпрестанную перемѣну расположенія; то обстоятельное и цѣлое описаніе такихъ дѣйствій свойственно принадлежитъ Стихо-

творцу или Историку, который отъ одного приключенїя ведетъ мысль до другаго, описывая происшествїе каждаго подробно. Но сїе былобы почти невозможное Живописцу: потому что всякая минута снабдила бы его новою картиною, и умножила бы ихъ до толь безмѣрнаго числа, что хотябъ сїе и въ дѣйство произвести было возможно, однако нанесло бы трудъ и отягощенїе какъ уму, такъ и очамъ; вмѣсто того, исполнится желанїе Живописца, когда подастъ каждому изъ нихъ увеселенїе и познанїе.

И такъ, дабы смотрителю вперить довольное понятїе о бывшемъ между Россїйскимъ и Турецкимъ флотомъ происшествїи, въ которомъ сей послѣдній въ Архипелагѣ былъ истребленъ въ конецъ, избраны четыре знаменитѣйшїя приключенїя сего великаго дѣйствїя: сїи четыре показались самыми свойственнѣйшими для живописнаго начертанїя, какъ по причинѣ общей ихъ важности въ побѣдоносномъ сраженїи, такъ и для того,

того, что каждое изъ нихъ изобилуетъ такими чрезвычайными дѣлами, которыя дивностію не могутъ не поразить очи.

Флоты показались другъ другу при брегѣ Натоліи, *Іюня 24. 1770.* Турецкій стоялъ на якорѣ въ двойной линеѣ, представляющей дугу, которой края выдавались отъ берега на разстояніе около 250 саженей. Онъ состоялъ изъ 16 линейныхъ кораблей, отъ 86 до 64 пушекъ, и изъ 5 фрегатовъ, и 7 галеръ; подъ предводительствомъ Капитана Паши, Адмирала и Вицеадмирала. Десять изъ большихъ кораблей составляли первую линею; а прочіе шесть, вмѣстѣ съ фрегатами, дѣлали вторую, и стояли противу разстояній, которыя были между кораблями на первой линеѣ: двѣ изъ галеръ были поставлены близъ острова отстоящаго отъ Турецкаго Вицеадмирала на 200 саженей къ сѣверозападу; а другіе пять были на веслахъ, дабы быть въ готовности, гдѣбъ вспоможеніе ихъ ни потребовалось; и прямо про-

тивъ флота на берегу былъ станъ Оттоманскаго войска.

Россiйскiй флотъ состоялъ изъ 8 шестидесятишестипушечныхъ кораблей, и одного осьмидесятипушечнаго, изъ двухъ фрегатовъ, одного бомбардирскаго судна, одного пакетбота, двухъ вооруженныхъ судовъ, и изъ нѣсколько Греческихъ ботовъ; передняя часть была предводительствуема Адмираломъ Спиридовымъ, средняя главнокомандующимъ Графомъ Алексѣемъ Орловымъ, а задняя часть Контръ-Адмираломъ Елфинстономъ.

Россiйскiе линейные корабли пустились на непрiятеля при маломъ вѣтрѣ съ лѣвыя стороны, (каждый устремляясь на сопротивный ему непрiятельскiй корабль); нѣкоторые изъ нихъ подъ марселями, а нѣкоторые изъ заднихъ подъ марселями и брамселями: разстоянiе же отъ корабля до корабля было около 50 саженей. Переднiе корабли Турецкой линеи начали стрѣлять близъ пятнадцати минутъ, прежде нежели Россiяне

отвѣт-

отвѣтствовали своимъ огнемъ. Когда первый корабль въ Россійской линеѣ оборотившись пошелъ къ вѣтру, Адмиралъ Спиридовъ на впоромъ, устремился на самый сѣверный непріятельскій Вицеадмиралскій корабль, который, по жестокомъ сопротивленіи, наконецъ былъ воспаленъ: и понеже спасти обоихъ кораблей сцѣпились вмѣстѣ, пламень сообщился и кораблю Россійскаго Адмирала, который чрезъ десять минутъ былъ взорванъ, какъ въ скоростн послѣ того и корабль Турецкаго Вицеадмирала. Въ сіе время сраженіе учинилось всеобщее: Россійскій флотъ былъ подъ парусами, кромѣ корабля, на которомъ былъ Графъ Орловъ, который стоялъ на якорѣ, въ разстояніи на полканата отъ втораго корабля въ Турецкой линеѣ. Корабли напереди его, обратившись, паки вступили въ сраженіе созади его. Уже Турецкій флотъ началъ удаляться, отрубивъ канаты, и распустивъ парусы, и въ величайшемъ смятеніи устремился въ

бѣгство прямо въ Чесменскій заливъ. Графъ Орловъ видя непріятельскій побѣгъ, немедлѣнно отрубилъ свои канаты, и далъ знакъ всѣмъ гнаться за онымъ.

Въ прочее время того дня, и въ слѣдующую ночь и день, Турки упражнялись въ располаганіи своихъ кораблей, устрояя восемь изъ большихъ въ линею, соотвѣтствующую кривизнѣ залива; изъ которыхъ каждый корабль имѣлъ свой буспритъ близъ самой кормы ближайшаго: а пять галеръ поставляя близъ берега, по правую сторону или къ сѣверу своей линеи, чтобъ онѣ были въ готовности напасть, или оттянуть которые нибудь изъ Россійскихъ брандеровъ: вѣтръ же тогда былъ сѣверный. Прочіе же корабли ихъ флота и меньшія суда всѣ были расположены позади сей перьвой линеи; и какъ они не могли быть полезными въ дѣйствіи, ихъ пушки отправлены были на берегъ, для постановленія баттерей съ обоихъ сторонъ входа въ заливъ.

Но

Но при всемъ томъ они совершили одну только баттерею о двадцати двухъ пушкахъ на сѣверной сторонѣ; и начали было дѣлать двѣ баттереи на южной, но никакихъ пушекъ поставить не ускорили.

Россійскій флотъ стоялъ на якорѣ въ видѣ дуги, сбъявъ входъ залива въ разстояніи отъ непріятеля нѣсколько далѣе пушечнаго выстрѣла. И не имѣя брандеровъ, россіянѣ упражнялись въ тотъ день и слѣдующій даже до вечера, пріуготовленіемъ на сіе четырехъ малыхъ судовъ; ибо положено было напасть на непріятеля въ ту ночь.

Входъ въ заливъ былъ толь узкій, что не больше трехъ кораблей могли въ немъ росположиться, не мѣшая одинъ другому. Къ сему дѣйствію назначены были четыре линейные корабля, два фрегата, бомбардирское судно, и четыре брандера. Около 11 часовъ ночи всѣ они снялись съ якорей; и какъ каждый корабль далъ знакъ своей готовности, Бригадиръ коммандующій сею аттакою, сдѣлалъ

знакъ къ наступленїю, и простерся съ кораблями назначенными для первой линеи; кои ставъ на якорь, на шпрингѣ, въ разстоянїи около 70 саженей отъ непрїятельскихъ кораблей, начали дѣйствїе. Потомъ другая линея, состоящая изъ корабля, фрегатовъ, и бомбардирскаго судна, подвинулась. Корабль остановился на якорѣ въ рядъ съ Бригадирскимъ, для вспоможенїя въ случаѣ нужды; одинъ фрегатъ противъ баттереи на сѣверной сторонѣ, а другой противъ баттереи на южной; ибо тогда полагали, что и на сихъ пушки были поставлены: бомбардирское судно стояло позади, а четыре брандера подъ парусами держались къ вѣтру.

Первые три корабля на пути своемъ встрѣчены были жестокимъ огнемъ съ Турецкихъ кораблей, и съ баттареи на сѣверной сторонѣ входа въ заливъ; но какъ скоро Россїяне остановились на якорѣ, весьма сильный огонь отъ обоихъ флотовъ воспослѣдовалъ, и продолжался пол-

пора

тора часа безпрерывно: между тѣмъ каркасъ съ бомбардирскаго суда палъ на одинъ изъ Турецкихъ военныхъ кораблей, ударилъ близъ верьха гротмачты, и вдругъ произвелъ на гротмарселѣ пламень, который съ великою поспѣшностію повсюду распространился. Россійскій Бригадиръ, примѣтивъ великое смятеніе на корабляхъ непріятельскаго флота, и уменьшеніе ихъ пальбы, здѣлалъ знакъ брандерамъ пуститься, что они немедленно и учинили, въ линеѣ слѣдуя одинъ за другимъ. Послѣдній изъ нихъ былъ аттакованъ Турецкими галерами; почему принуждены были его зажечь, прежде нежели онъ возмогъ уцѣпиться за назначенный для него корабль. Прочіе же три продолжали свой путь; и одинъ изъ нихъ зажегъ Турецкій корабль, а другіе два вошли между горящими уже кораблями,

Не за долго предъ тѣмъ какъ Россійскіе брандеры дошли до непріятеля, Турецкій корабль, зажженный каркасомъ, сообщивъ свой пламень

многимъ другимъ кораблямъ, былъ взорванъ; и горящіе его отторги въ толикомъ множествѣ ниспали на прочіе корабли, что они зажгли большую ихъ часть. Прежде четырехъ часовъ утра 26 Іюня, горѣніе въ Турецкомъ флотѣ здѣлалось всеобщимъ; и уже всѣ корабли и суда, изъ которыхъ оный состоялъ, (выключая только два самые сѣверные корабля, и 5 галеръ,) вмѣстѣ съ грузовыми судами, были въ пламени.

*Во время сего всепагубнаго позорища, Россіяне престали отъ пальбы, и обратились на поливаніе водою своихъ кораблей, мачтъ, снастей, и парусовъ, для предохраненія ихъ отъ загорѣнія отъ безмѣрнаго жара; и были въ готовности угашать всякіе горящіе отторги могущіе ниспасть на ихъ корабли, когда непріятельскіе взрывало. Они также начали оттягиваться въ дальнѣйшее разстояніе, убирали парусы, и всякія другія мѣры принимали, нужныя для своего собственнаго спасенія при толь ужасномъ произшествіи.

Понеже

Поисже бопы Турецкаго флота были въ состоянїи вмѣстить малую только часть того великаго числа, которое пламень привелъ къ отчаянному злострадаиїю, Турки бросалися въ море въ великомъ множествѣ, ищя покрова между волнами отъ нещадныя сихїи онея: тѣ, которые достигли бе́рега, срѣтили тамо смерть въ другомъ видѣ, будучи безчеловѣчно побиваемы жестокосердыми своими единоплеменниками; напротиву же предавшїе себя въ руки Россїянъ, получили всякое вспомоществованїе; и были пощаждены, дабы быть живыми свидѣтелями, что имѣли изобразить сїи картины; то есть, что въ семъ великомъ приключеніи, ничто не могло приумножить славу Россїянами пріобрѣтенную, кромѣ неувядаемыхъ почестей, которыя они сняжали благодѣтельнымъ оказаніемъ богоподобнаго свойства милосердїя.

ПИСЬМА

писанныя въ слѣдствіе

четырехъ картинъ

ЧЕСМЕНСКАГО СРАЖЕНІЯ,

Поднесенныхъ

ЕЯ

ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

Государынѣ Всероссійской.

ПИСЬМО I.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Извѣстія, которыя наполнили весь свѣтъ славою побѣды, одержанныя морскою ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА силою надъ Оттоманскимъ флотомъ, при брегѣ Наполіи, возбудили во мнѣ желаніе предать потомству хотя нѣкое слабое начертаніе, славныхъ опыхъ, но и ужаса исполненныхъ, позорищъ, обыкновенныхъ спутниковъ морскимъ сраженіямъ.

На происшествіе толь общеучаствуемое и толь важное, правдолюбивая Исторія будетъ сіять немерцающимъ свѣтомъ: и я такожде покусился содѣйствовать памяти дѣла, знаменитѣйшаго изо всѣхъ приключеній, украшавшихъ когдалибо лѣтописи могущественнаго Государства. Чего ради время мое не могло быть лучше употреблено, какъ въ начертаніи сихъ четырехъ картинъ; которыя, надѣюсь, пребудутъ яко

потомственные знаки торжествованія ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА надъ общимъ врагомъ Хрїстїанства.

Щастливъ буду, ежели мое воображеніе оныхъ позорищъ, такъ управляло и одушевляло мою кисть, чтобъ здѣлать писаніе, въ нѣкоторомъ степени, достойнымъ важности, великости, и превосходства представляемыя вещи. Но сколько бы мои воображенія и исполненіе замысла ни оказался несоразмѣрными; однако надѣюсь ВАШЕ ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО благоволитъ прїяти сїе твореніе, яко свидѣтельство безпредѣльнаго почитанїя и благоговѣнїя, которое я мню быти должное ВАШЕЇ Священнѣйшей Особѣ, когда представляю себѣ оныя добродѣтели, которыя днесь прилагаютъ велелѣпїе и славу ВАШЕМУ Пресвѣтлѣйшему Царствованію, и по сихъ увѣнчаютъ ВАШУ память неувядаемыми лаврами, когда Вы созерцаема будете превосходно сїяюща въ числѣ тѣхъ мудрыхъ, великихъ и благихъ Государей, которые

которые был во благословеніе своимъ подданнымъ, и во украшеніе человѣческому роду.

Имѣю честь пребыть со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,

ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

Всепреданнѣйшій, всепокорнѣйшій,
и всепококорнѣйшій слуга,

Лондонъ
Сент. 3. 1770.

Ричардъ Пепонъ.

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ
ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ.

ПИСЬМО II.

Улица нижняя Гропенорская.

Апрѣля 20. 1773.

Съ великимъ удовольствїемъ я увѣдомляю васъ, государь мой, о особенномъ благоволенїи изъявленномъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКИМЪ ВЕЛИЧЕСТВОМЪ, мосю Государынею, на полученїе вашихъ чепырехъ картинъ, и письма сообщеннаго при оныхъ. ЕЯ ВЕЛИЧЕСТВО немедленно повелѣла поставить оныя для публичнаго смотрѣнїя, и потомъ пренести въ СВОЮ галлерею; и указала переслать для васъ тысячу фунтовъ стерлинговъ, не столько, государь мой, въ довольность награжденїя за достоинство работы, сколько въ знакъ ЕЯ благоволенїя. Почему я имѣю удовольствїе послать къ вамъ, отъ ЕЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, вексель на оную сумму, вмѣстѣ съ медалью здѣланною на случай не меньше достопамятный онаго, который васъ возбудилъ пре-

дать потомству изображеніе морской Чесменской побѣды.

есмь съ истиннымъ почтеніемъ,

Государь мой

вашъ покорный слуга,

А. Мусинъ Пушкинъ.

Г. Ричарду Петону, въ улицѣ Уарморъ въ Лондонѣ.

ПИСЬМО III.

Всемилостивѣйшая Государыня!

Благое мнѣніе, которое публика сея земли возъимѣла о картинахъ, представляющихъ первую и славную ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА морскую побѣду надъ Оттоманами; Всемилостивѣйшее къ онымъ вниманіе, на которое Король, мой Государь, благоснизшелъ; и разговоры, которыхъ я удостоенъ былъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВОМЪ на сей случай; все сіе есть такое щастіе, которое со уничиженіемъ я исповѣдую, и навсегда воспоминать буду со благодарностію: но ВАШЕ Всемилостивѣйшее пріятіе картинъ съ письмомъ, которыя я дерзнулъ поднесть ВАШЕМУ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ; высокая честь, которыя ВЫ меня удостоили, соизволеніемъ на показаніе оныхъ публикѣ, и на поставленіе потомъ въ ВАШЕЙ Императорской галлереѣ; пожалованіе тысячи фунтовъ стерлинговъ векселемъ теперь мною полученнымъ,

нымъ, и золотая „медаль, здѣланная „на достопамятный случай„; сія вся суть особенные опыты благоутробнаго снисхожденія ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА; опыты толь единственные, что, когда они требуютъ моихъ благодарнѣйшихъ исповѣданій, купно и исполняютъ меня горячайшими чувствіями благодарности и благоговѣнія.

Почтенъ такожде я письмомъ отъ Его Превосходительства Господина Мусина Пушкина, Министра ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ которомъ онъ объявляетъ, „что ВАШЕ ІМПЕРАТОРСКОЕ ВЕ„ЛИЧЕСТВО соизволили послать мнѣ „тысячу фунтовъ, не столько въ до„вольность награжденія за достоин„ство работы, сколько въ знакъ ВА„ШЕГО благоволенія.

Всемилостивѣйшая Государыня,

Я со тщаніемъ хранить буду медаль, яко отмѣнный знакъ милости ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-

ВЕЛИЧЕСТВА, которую я содержу въ вышшей цѣнѣ, нежели преходящія корысти денежнаго удовольствованія. Я вручу оную потомству, яко напоминовеніе славнаго торжества оружій ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, и яко вѣчнующее свидѣтельство щедроты, великолѣпія, и высоты, которыя столь превосходно сіяютъ въ ВАШЕЙ Особѣ; свидѣтельство, Всемилостивѣйшая Государыня, тѣхъ дражайшихъ добродѣтелей, которыя будутъ озарять ВАШУ память блистаніемъ свѣтозарнѣйшимъ паче чистѣйшаго камня въ ВАШЕМЪ вѣнцѣ.

Изображеніе сокрушенія Гишпанскія Армады было поднесено отъ Голландскихъ Штатовъ Королевѣ Елисаветѣ, въ потомственный знакъ общеучаствуемаго и важнаго приключенія: оное шканіе и понынѣ украшаетъ вышшій домъ Аглинскаго Парламента. Но изображеніе сокрушенія Турецкаго флота при брегѣ Наполіи, было приношеніе частнаго человѣка ІМПЕРАТРИЦѢ Всероссійской, которая

торая на его лепту къ сохраненїю въ роды славы ЕЯ Царствованїя, призрѣла съ тою благопрїятностїю, которая протекаетъ единственно изъ источника, внушенїй возвышеннаго разума и великїя души.

Благоволи избраннѣйшая въ Царехъ, прїяти сїю смиренную дань благодаренїй, не яко мздопрїемный гласъ рабственнаго ласканїя, но яко безприпворныя и истыя преизбыточествованїя искренняго, чувствительнаго, и благодѣянїя исповѣдующаго сердца.

Да долголѣтствуеши, благоговѣема и любима вѣрными и послушными подданными. Да будетъ ТВОЙ ІМПЕРАТОРСКІЙ Скипетръ увязенъ неувядающими вѣнцами славы, и любовїю преселенною изъ сердецъ народа, свободнаго и благоденствующаго кротькимъ и тихимъ его мановенїемъ. Да распростртся знанїя и полезныя науки, купно съ оною мужественною свободностїю испытанїя, которая есть основанїе всего вели-

каго, драгоцѣннаго, и изящнаго въ человѣческомъ родѣ; и да процвѣтитъ подъ ТВОИМЪ благопровозвѣщающимъ заступленіемъ и покровительствомъ: и да прейдетъ Имя ТВОЕ съ вѣчнующею и честнѣйшею славою, отъ рода въ родъ.

Имѣю честь пребыть со всеглубочайшимъ благоговѣніемъ.

Всемилостивѣйшая Государыня,

ВАШЕГО ІМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

всенижайшій, и всепокорнѣйшій слуга.,

Лондонъ
Іюня 29. 1773.

Ричардъ Петонъ.

ЕЯ ІМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ ГОСУДАРЫНѢ ВСЕРОССІЙСКОЙ.

Государственная Публичная Библиотека